ДВЕНАДЦАТЬ КРЕСТОВ

ВОЙТ СОДОМА

ДВЕНАДЦАТЬ КРЕСТОВ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Зимний туман

Отвлекающий от работы зимний туман побуждает меня с грохотом опустить топор обратно в расколотую чурку. Это зрелище вызывает у меня сладость: очертания домов сделаны простым карандашом спокойной рукой, крыши скрыты от моего взора, будто новорождённые котята от человека, но я знаю, что зимний туман старше этих сравнений. Люди, находящиеся в тумане, думают обо мне точно так же, ведь им не видна густота собственного местонахождения. Не существует эпицентра этого явления, оно теистически оправдано повсеместно. Мне не приходят мысли о тёмных силах, обитающих в тумане, ведь выглядящее красиво заглушает наше критическое мышление.

Чем чаще на землю будет опускаться зимний туман и чем чаще я буду отлынивать от работы за морозным созерцанием — тем больше меня наполняет уверенность в самоубийстве от осознания собственной неполноценности. Поэтому в зимний туман я впервые отрубил себе голову и разлился по земле неподвижно.

Принцесса Лаквилли

Вступление

Последнее, что увидела книга, это крепкие, но убитые трудом руки. М. достал сказку о принцессе Лаквилли, которую так любила его дочь. В ней описывалась трагичная судьба молодой красавицы королевского рода, чьё тело посмел похитить Дракон-Король. Злодей запер Лаквилли на высокой горе, куда не смогла бы пробраться ни одна нога человеческая. Нежная девушка спала под открытым небом и питалась червями, которые Дракон-Король приносил в огромном количестве. Принцесса плакала изо дня в день, мечтая, чтобы её спас принц. А однажды на гору взобрался другой дракон — он пожелал забрать принцессу в своё логово, на что Дракон-Король осерчал и развязал кровавую огненную войну:

I. Амулет

Эта ночь была тихой и пасмурной, принцесса Лаквилли молча глядела на неё поверх ладоней; отсутствовали запахи ночной травы, и даже ветер, освежающий гору, не свистел на склонах. Принцесса была абсолютна одна посреди вершины. Её похититель, Дракон-Король, улетел с яростным воплем за громады туч и растворился в смертности тумана; принцесса лишь изредка видела вспыхивающие огненные сферы, точно фейерверки. Ей ничего не оставалось, кроме пролития слёз на замшевое платье.

Она не верит в принца, она боится гроз, она маленькая в большом враждебном мире. Но у неё есть амулет — лапка курицы. Лаквилли гипнагогически молится, когда не плачет, и произносит вслух различные мольбы. «Им, — думает она, — не суждено сбыться». Даже птицы почему-то не летают над ней, вселяя радость; только стервятники, — богохульные отродья, сравнимые с горгульями. Совсем недавно принцесса Лаквилли увидела сон: несколько бесноватых горгулий мечутся на фоне горящей церкви. Страшное сновидение выбило девушку из сил: даже разум был не за неё.

— Кто-нибудь, — шептала Лаквилли, — заберите меня отсюда в мои тёплые покои. Я хочу лежать в алькове и чувствовать запах воска; хочу, чтобы мне приносили белый виноград на подносе; пусть мне вновь говорят, какая я милая и благородная. Здесь, на горе, никто мне этого не скажет, хотя я заслуживаю.

Куриная лапка на ниточке красовалась, прикреплённая к изящной талии. К тёплой талии. К худой — от голода.

История этого амулета проста. Однажды принцессе подарили

цыплёнка, она ухаживала за ним, как мама, и вырастила курочку. Когда курица была одна, к ней подошли мальчики из соседнего королевства, потребовали от неё несколько перьев на удачу. Курица не ответила, и мальчики озлобились.

Они устроили театр.

II. Театр

Что для принцессы Лаквилли означало наблюдать за любимой курицей, участвующей в фельетоне? Кошмарное зрелище. Принцесса велела найти и жестоко наказать оборванцев, ведь на середине выступления курица умерла; это произошло вследствие слишком тяжёлой для куриного мозга реплики.

Тушку курицы похоронили согласно требованию принцессы, а на память ей оставили ту самую лапку, с сухими коготками, с рябой кожицей, ставшую ей амулетом.

Хотелось бы прояснить: театр устраивают довольно часто. Цель этой дуэли заключается в унижении вызываемого при честном народе. Смерть курицы были ожидаемой для многих — не каждому человеку, не то что курице, удаётся выйти сухим из воды. А точнее, из театра.

Принцесса была в ужасе от нелепости кончины любимой твари.

Впрочем, время излечило принцессу Лаквилли от депрессивно-менструальных истерик, и теперь она обращалась к амулету с трезвостью монахини перед иконой, а не слезами.

Тем временем на гору опустилась ночь — уже другая, но такая же тихая и однообразная. Дракона-Короля не было слышно порядочное количество часов, из-за чего принцесса начала думать о гибели своего консерватора в бою: успокоение заменялось чувством обречённости тотчас, когда она вспоминала, что в таком случае станет пленницей второго дракона.

— Мой боже, — шептала Лаквилли, — как мне набраться сил и сегодня же не спрыгнуть с горы? Куда поступают мои молитвы? Я не хочу с тобой разговаривать, но мне так одиноко! Мысль, что ты рядом, обнадёживает меня.

Сколько раз она осматривалась, думая спуститься с горы по выступам, и всё попусту — Дракон-Король позаботился о недоступности такого действия. Лежать вот так целыми днями и распалять огонёк в душе утомляет, поэтому принцесса решила соорудить крылья. В этом ей могли бы помочь скопища брёвен, которые Дракон-Король притащил навалом. Отодрав кору, думает принцесса, ей удастся получить нечто похожее на крылья летучей мыши; а если не повезёт с крыльями, она создаст парашют.

К счастью, верную смерть принцессы опередил Дракон-Король, принёсший в пасти побеждённого врага.

III. Мир или война?

М. отвлёкся от чтения, заметив растерянный взгляд дочери.

— Так что же дальше? — спросила она. — Мир или война?

— Мир.

В глазах дочери жёлтые огоньки — это интерес плавает кувшинкой.

— Я продолжу? — продолжал М.

— Нет. Сперва ты прочитаешь мне последний абзац! У этой истории плохой конец...

IV. Последний абзац

Солнце помогало ей.

Кинезис

Тринадцатого числа сего месяца я впервые обнаружил у себя способность к подавлению ветра. Затем оказалось, что подавляя я управляю потоками воздуха, тем самым заставляю их передвигаться по трём осям x, y и z. Страшная сила заточена во мне, но я никому об этом не рассказываю, боюсь их негативной реакции. Никто не захочет близко общаться с человеком, чьи руки направляют ветра на юг, а голос повелевает колыхающимися деревьями.

Научится бы управлять солнцем, то есть светом, и жизнь стала бы лучше в сотню раз. Правда, и так можно что-то делать с солнцем; например гнать тучи, подзывать белые облака, а чёрные свинцовые бросать прочь.

Корь

Из восточной традиции в наше время перешли склонности к самопознанию. Мне как человеку, болеющему корью, крайне занятно испытывать медитативное расслабление под воздействием бычка, поднятого с земли. Что-то было мною обещано, причём много раз, каждый месяц. Слабость организма поддаётся этим мучениям, и я вновь болею корью.

У меня маленькая фотография под матрасом, на ней моя сестра, зимой, улыбается. Я впервые вижу её с макияжем. Сперва мне кажется, что ей не идёт… Потом я уверен, что она по-прежнему красива и добра ко мне. Несмотря на то, что она забывает мальчика, мальчик её не забывает, он привязан цепями. И пускай больно представлять это наяву — цепи, сердце, кровь, — мне не страшно. Я остался одиноким, но я не хочу, чтобы вам показалось моё письмо страждущим. Я обращаюсь к вышестоящему лицу и прошу освободить меня. Нет, постойте — просил ли? Корь выбила меня из колеи сил, она сбила меня с рельс, она плюнула в моё лицо и размазала меня по стене, как кровяную соплю после избиения. Она трижды изнасиловала меня и осталась невиновной, потому что я не могу доказать кому-то её ужас; каждый по-разному склоняет глаголы.

Весенние льды

Если остановиться у пирса нашего города, можно заметить талые потоки воды, несущиеся ветром на север. Ледниковые поверхности раскалываются под солнцем, из твёрдого они становятся жидким веществом и, тая, блестят.

Молодой архитектор по имени Вальс, мой близкий друг, приближается к пирсу с видом счастливого человека, выигравшего лотерею. У меня возникает мысль спросить об этом, ведь такой радости на лице его никто никогда не видел.

— Здравствуй, — говорит он, прыгнув ко мне на пирс и едва удержавшись на ногах, — спешил к тебе.

— Что же ты ко мне спешил?

— Я тебе показать кой-чего хотел; весна: сейчас такое время, что льды будут нестись целостными льдинами, а не тонуть.

Это было трудно не заметить, тем более мне, человеку, который чаще других встречает весну на улице. Но я никак не могу понять, к чему клонит Вальс с таким упрямством; мне кажется, ещё чуть-чуть, и он предложит мне прыгнуть в воду.

— Я бы хотел стать на эти льдины, — слышу я вдруг между слов и млею. — Стать и покатиться, ощутить воздух по всему телу, солнышко, тепло весенних дней. Ты со мною? как всегда?

Я стою с ослабевшими ногами, будто уже на льдине, и понимаю с ужасом, что отказать своему близкому другу, пускай в таком безрассудном деле, не могу себе позволить.

— Пойдём, — говорю я ему.

Для того, чтобы пробраться ближе к воде, следует спуститься к месту, где старые туристы надувают шлюпки и сдают их в аренду. Здесь открывается совершенно другой вид: сияющие снега тают на ходу, оголяя под своими покровами голубой лёд, ветер на берегу щиплет нос от прохладного мороза; чем-то мы схожи с двумя пингвинами, о чём я шучу с Вальсом.

Он не понимает, как исполнить задуманное правильно, с возможностью вернуться обратно на сушу. Сказав мне ждать, он целует свой нательный крестик, точно супругу, с такими же страстью и любовью.

— Поторопись! — кричу я вслед Вальсу, убегающему с пирса, — весна!

Скоро пойдёт град

Девочка плачет под бездной туч. Ей одиноко, очень одиноко без мамы и папы. Скоро пойдёт град. Он раздавит девочку и не вспомнит о ней. Ей холодно — она в чёрной майке. А в нашем мире нет смерти, но говорят, что скоро она вырастет.

Чудовищная весна

Незабыта история о Чернобыле. Незабыты похождения археолога; и кости его незабыты.

Забыт я. В тумане виден мой череп, пульсирующий мёдом. На закате видна алая полоса — это мои руки тянутся к солнцу. В дождь слышен мой голос, схожий с русальичим пением.

Возможно, вы помните чувство страха, возникающее просто так? Нет, не всё так хорошо — это тоже я, рвущий полотно снега. Я сплю под рёбрами богов в пантеоне. Я насчитываю двенадцатый крест. Я пью корь из телес — именно так излечилась твоя бабуля.

Даже, когда болит голова, здесь есть моё присутствие. Но оно забыто.

Я пишу это на листе в джунглях. На календаре первое число весны.

Гляжу на крест

Гляжу на крест. Его сюда поставили обычные люди, такие же, как мы с вами. Его для начала нужно было создать из дерева, сточить до правильной формы, обтесать, придать вид и только потом опускать в землю этого кладбища. Два человека, которые трудились над крестом, сейчас мирно находятся у себя дома, общаются с жёнами, решают интеллектуальные задачи своего трудоустройства, готовят на плите, очищают лимон под чай и многое другое. Как часто эти два человека задумываются о судьбе владельца создаваемого ими креста? Они так редко, пожалуй, замечают эту гордую грусть в глазах вдовы, слезящихся на ветер. Взгляд как взгляд — видали мы такие. Чем больше мы будем делать на этом акцент, — думают люди, — тем больше будем страдать чужим горем, а у нас своего горя хватает.

Бог даст, и окажутся они правы, да только крест сгниёт к тому времени, покроется мхом, расколется от старости, обратится в тырсу. Кладбищенские деревья будут поглядывать на крест как на возможную свою ипостась, будут дивится и размышлять, что, возможно, не всё так плохо.

Думать — от дурости, а не от ума нашего. Чего его думать, если и так ничего тебе непонятно и неизвестно. Два этих человека, столяра, никогда не поймут жизнь до той степени, чтобы с нею покончить, но продолжат жить, может глупо, вопреки всем смертям и назло всем плохим людям. Они думают, что желать смерти — низкий поступок, усугубляющийся поговоркой о слове и воробье, и поэтому продолжат.

О них будет рассказано столько, сколько сами они на то заслужили.

Нож из Австралии

I

Меня убили не испанским кортиком. Вонзённый в мою печень нож был острым, как боль, и солнце не отбивалось от него тем летом. Я скажу больше: он подействовал словно язык, так как я ощутил сладкое неудовлетворение. Это был точный удар, сконцентрированный в когтистых лапах, от которого моё брюхо занемело и похолодело; я холодел так последний раз после приёма солей для ванны, только горел одновременно с проступающим некрозом. Затем печень выплюнула кровь так, что в ней не осталось её. Я задрожал, кровь была горячей, и тепло заструилось по ногам (не в состоянии ответить: стало быть, моча то или кровь?)

А мне было очень больно, я поднял глаза к небу, чтобы ослепнуть. Вместе с воплями птицы вопили мои внутренние органы, каждый по отдельности. Коршун считал меня слабоумным при моей болезненной улыбке. Я не хотел улыбаться, не хотел — так больно было мне!

Потом я молча упал. Нож вынули, он стал красным. Коршун взлетел с ножом в клюве и хрипло закашлял от старости. Когда я встал, был мёртв. Стоял день. Ясная погода. Птица летела в Австралию, и я пошёл за ней.

II

Конечно, в первую очередь я подумала о своей дочери. Как ей будет без мамы? Детское одиночество легко обращается в слепую, поспешную игру с обнажённым рассудком, который после вымещается на родителях каким-нибудь убийством. Я переживала сильнее из-за неблагоприятных жилищных условий нашего дома — ему пора рухнуть; но иного крова над головой у нас не было.

Мой муж задолжал и повесился на день рождения, удавившись толстым проводом, полусидя, оставив записку. Представляете, она была адресована не мне, а моей матери. В ней он слёзно просил прощения, просил позаботиться о недавно родившейся дочке, просил уберечь её.

Я узнала об этом позже. И вот ей восемь лет; я во многом жалею. Как это, вероятно, страшно, когда в свои восемь лет ты видела череп с перекрестными костями, изображённый на бутылочке из-под йода. Это был мой муж, отец и бог. С ним мне не требовалось тепла мужской руки; нет, мне вообще ничего не требовалось! Он утолял послеродовую боль лучше, чем пресловутые таблетки, правда, порой я хотела от него слишком много.

Вспоминаю те дни и ночи, когда я впадала в мрачный кумар. Я погружалась в него, как нога в прохладную воду, а после тонула, не

нащупав дна. Прискорбно, что дочери пришлось видеть это: виню, виню себя.

Как можно было понять, я говорю о героине, который выписывали мне.

Что было со мной? Змеилась по полу. Меня рвало, а рвота под героином с ужасным напором. Кто-то из вас, читающих это, поймёт меня должным образом... Важнее моя дочь: к чему я рассказала о своей наркомании? К тому, что она стала недолюбливать свою маму, бросаться, скорее в раннем возрасте, кусать руки, и свои, и мои, как яблоки. И сейчас она растёт — восемь лет моей дочери. Она умеет понимать добро и зло, чего не умела Ева, будучи женщиной. Кажется, я проводила с ней мало времени — больше с иглой, как зависимый человек. Оскорбления, сказанные в период ломки, я не помнила, а дочь не напоминала. Боюсь, могла наговорить... И всякий раз она прощала меня, когда я просила у неё это, бог видит. А разве моя кровь может лукавить?

Зимой героин кончался, я отходила и гуляла с дочерью по тёмным аллеям. Навещала забытых замужеством подруг и их детей, с которыми моя дочь не ладила.

Я так виновата перед ней. Хотя бы школа, в которую я не водила её, отчего она плохо читает и пишет.

Она видела эту птицу несколько раз, сидящую на ветке. Один раз я сама увидела: кажется, коршун, огромный для ветки, выдёргивал перья. Как-то он прилетел ко мне и спросил, прежде охрипнув:

— У тебя есть проблема?

— Да, — отвечала я ему.

Тогда глаза его в ярости открывались, а клюв безмолвно ходил ходуном, как челюсть. Вонзался нож, — как правило, в печень.

— О да, — закричала я, ощутив схожее с приходом.

Густая кровь текла медленно. Я всё понимала и даже могла разговаривать, но меня переполняло. Коршун барахтался на мне, когти резали кожу, он бесновался.

Когда я умерла, дочери не было, она спала. Птица улетела в Австралию. Я сразу поняла, что именно туда. Правда, боюсь даже пытаться донести вам, что подтолкнуло меня к такому умозаключению.

III

Я священник, и хотя меня не раз оскорбляли пуританином, мои помыслы и моё служение оставались в пределах разумного. Хотел бы поведать читателю о странном сектантском храме, находящемся в Африке. Вот так и назывался — африканский храм. Общаясь достаточно близко с туземцами, мне открылась правда о монотеистической тине, под которую это злополучное место маскировалось.

Инок, примерный брат, носил на шее кулон богодьявола; был

молчалив, как снег, но от снега имел разительное отличие в цвете носимой им рясы. Я видел всё: стихи Александра Блока под ярые пламени свечи и росу с бледных трав, которую он сметал.

Мне как верующему человеку крайне тяжело: вероятно, читатель атеистического настроения, но всё же хочу повествовать о храме, где монахини, безмолвные, как снег, надевают удушливые платки у монастырской ограды и тревожно готовятся к обрядам. Трепетно возвышаюсь, когда болит живот, а у меня, знаете ли, язва двенадцатиперстной кишки. Врачи сказывают не беспокоиться.

Я не помню, для чего навещал Африку. Может быть, мои родные жили там; но вспоминая, что я чистокровный русский, ворчу сам на себя. Не легче ли мне прямо сказать, что случилось? Я действительно переступаю через своё раздутое эго. А ведь я не молод. Это документация моего вероисповедания, на которое самым печальным образом повлияли африканские обряды и этот аромат афродизиака. Наше русское католичество умывает руки, однако постойте же, мне стоит срочно вернуться к рассказу.

Я служил мессу в африканском храме два раза: под давлением монаха и, другой, в наркотическом трансе, с рукой на заднице Элизабет, талантливейшей кухарки этого подлого могильника.

Моя служба проходила в отстранённом недопонимании догм. Впрочем, храм помогал исповедующимся в нём материально и духовно, например, сиротам и вдовам.

Беззубые африканцы смеялись и глотали кустарную соль... Нахождение там подломило, и я выпрашивал у инока совсем немного напитка, зовущегося аяуаской.

Я пил немного. Это их способ расслабления? — вздор! Крест тяжелел на спине, как снег, заваливающий труп, лежащий на животе. Однажды я глотнул чистый спирт и отравился. Затем птица, коршун, красные круги делирия.

В прошествии времени я осознал, что коршун мне не виделся. Я был трезв и глуп от коварной лени, и всё равно видел птицу; он высматривал меня и изучал, как человек человека.

***

Слава моему нраву и терпению подстрекателя храма, инока, что всё обошлось. Однако мне стало не в мочь святить их воду, а злоба, длительно копившаяся, одолевала меня, так что приходилось закрываться ото всех и смиренно терпеть собственные натуги. Таким образом, служба истратила свою эффективность. Африканцы обходили храм десятой дорогой, и монах начал чем-то напоминать мне коршуна. Следовательно, оборвалась нить взаимоотношений, после чего за моей спиной шептались о моём еретничестве, якобы я устанавливал с богом прямой контакт. Чёрный коршун явился после непосредственно служения. Находящиеся монахини вскрикивали от ужаса, как это делают

обыкновенно, и жаловались на птицу. Я обнаружил связь прежде, чем меня изгнали.

Так, птицу видели монахини, общающиеся достаточно близко с наставником храма, которому поставляли аяуаску близлежащие племена. Я сделал вывод: употребление делало человека способным к восприятию бесов. Присутствовавшие на оргиях монахини жались в страхе, иные, трезвые, испуганно качали головами, смотря назад, боясь увидеть птицу. Они лежали на ситцевой ткани и роились, как червяки, в кальсонах. Помещение гноилось от искажающих свет витражей, утопало в дыму не табачной почвы.

Я был в прискорбном состоянии, словно пленник, когда птица подобралась ко мне слишком близко. Ночью, маяча в треугольном окне, в клюве она сжимала, несомненно, окровавленный нож, схожий с тем, который я видел у военно-морского флота Испании. Даже лёгкий романтизм я ощутил сквозь удушливость, а птица заговаривала со мной, и я обязывался отвечать ей.

Она задала вопрос, имею ли я проблемы, на что я отрицательно вскинул руки. После моего ответа она молчала, а потом спросила, хочу ли я в Россию...

Сводки газет

***

В горах был найден школьный автобус с мёртвыми детьми и исчезнувшим водителем — Бобом Хамблом. Они остановились у киоска в связи с плохим самочувствием одного из школьников. Когда Боб Хамбл купил воды и вернулся к автобусу, обнаружил детей с признаками насильственной смерти.

Следователи утверждают, что автобус тронулся после этого и разогнался до большой скорости. Рядом лежали осколки от коктейля Молотова. Через сотню метров школьный автобус врезался в дерево.

***

Морро обнаружил, что у него есть брат на пиратском галеоне. Сью, девушка с красивыми фиолетовыми глазами, оказалась изнасилованной. Кирта сняли с должности надзирателя, хотя он и так не работал официально.

***

В Токио произошёл взрыв заброшенной больницы. По предварительным данным минирование устроил пожилой мужчина. На месте спасатели достали из-под завалов два трупа женщин, являвшихся участницами так называемых «Дьявольских нот», на что указывал яркий смоки-айс.

Ещё один труп не могут распознать, однако он имеет прыщи, лишний вес и нунчаки.

***

Хинстэро Акто, покинув деревню, увидел свою мать, обратившуюся за многие годы гниения в скелет. Выяснилось, что она покинула семью по причине опасности чёрной магии сына, за которую грозили смертной казнью.

Элиана Акто, сестра мальчика, всё-таки задохнулась: туман проник в её лёгкие и парализовал их.

Свит де Горон революционно исчез…

***

Бредберо вновь задышал! Государство изгнало из города страшных мутировавших тварей и предотвратило создание B.R.E.D.B.E.R.O. среди любителей постапокалипсиса.

***

Мор гниёт.

***

Званный ужин в Хардоне завершился венчанием молодой дочери ассасина с Дэйдрамом — новой ключевой фигурой против тамплиеров.

***

Увидевший тигра мужчина был убит. Дедушка Чавэло оказался прав.

***

Максим, попавший в психбольницу после обращения в полицию с новостью о том, что местную школу захватило портальное паукообразное существо, покончил с собой.

С родителей будет спрос, — утверждают правозащитники.

***

Ширро — самопровозглашённый детектив — сошёл с ума. Сбросившая кожу подруга сошла с ума.

***

В столице были заметны синие молнии: фантастическая «пятёрка» вновь возвращается в город. Главарь обещал дать комментарии.

***

Вмиде ясен этот дождик.

***

Задержали Асора и его компьютерного гения, которые кошмарили крупные государственные банки после побега из тюрьмы. Им грозит пиздец.

Отключение света

Настало трудное время. С выключением света погасли и мои надежды: я начал выходить на улицу и общаться с людьми, приручать диких волков костями и строить дом. Мои приключения трагически оборвались на весёлой ноте — я практически отыскал двух шахтёров и, завидев проблеск их имён, остался ни с чем. Моя цель была проста все эти годы, она заключалась в том, чтобы добыть пропитания и спастись в этом страшном, одичалом мире, где ночь сменяется ночью так же быстро, как день сменяется днём.

Что мне делать сейчас? Что прикажите делать, сидя в полной темноте этого помещения? Кажется, я вновь стану просиживать на кровати всё свободное время, питаясь консервами и супами. Мои развлечения стиснутся до прослушивания сельских похождений некоего В. Л., который тоже вынужден делить со мной скуку. Её протяжность определяется отсутствием света. Конец наступил. Бывшая радость истлела, как дерево, и сейчас я даже не знаю, что делать. Мои руки опустились в пропасти. Я наблюдаю за клочком света в полном чёрном вакууме.

Темно не только в искусственной среде, но и в естественной — ведь зимой вечера излишне темны, хоть глаза выколи. Возможно, я так и поступлю вскоре; от многообразия времяпровождений прежде — на данный момент растираю ладони в приступе непонимания своего будущего. Остановите этот поезд! Все купе в нём забитые до неприличия, и люди забитые своими предрассудками не в меньшей степени. Эти люди… Каждый имеет свой отпечаток, сомнений нет, но не каждый пользуется им в должном отношении. Завтрашний день для них предначертан послезавтрашним, а вчерашний день тонет в ностальгической бездне неумаляемых слов, комбинаций, повторений.

Если подойти к кому-нибудь с конкретной целью — попросить или поговорить, игриво игнорируя нудную суету вокруг, — останешься непонятым. Точнее, останешься в одноличном непонимании относительно своего собеседника, которому, поверьте мне на слово, так же плохо, как и вам.

Безудержные светлости, действовавшие на меня совсем недавно, когда я находился в хорошем расположении духа...

Рыба гниёт с головы

Перед тем, как убивать этого мальчика, мне следовало бы разузнать о нём; ведь убивая его я ничего не знал: он умер, и на эти вопросы могут ответить разве что его родители, но и те сейчас ужасно скорбят, проводят похороны и ждут девять дней, чтобы помянуть конфетами. Добиться от них ответов требует усилия и некоторого упорства, что явно не понравится скорбящим по сыну. Если бы я знал друзей мальчика, не появилось бы столько неразрешённых проблем.

У меня на руках нет его тела, его нашли возле реки и отдали родителям. На нём было достаточно много повреждений, особенно в области лица: я старался убить его не просто как физический объект, но и как потенциального мужчину, горделивого даже после своей смерти. Именно по этой причине его хоронили в закрытому гробу, не видя изуверств, нарисованных мною на его лице жестокой кистью.

Ради чего я его убил. Это было сугубо личное признание ему, междоусобица, в ходе которой я отплатил ему за тот вред, который он подарил мне десять лет назад, когда родился.

Подождите, я должен успокоить жену — она так тяжело переживает потерю.

Декабрь 2025 — январь 2026 гг.

Комментарии

«Скоро пойдёт град» и «Чудовищная весна» отражают употребление мухоморов в дозировке 3 g и параллельны первой главе «Girone ne delle manie» сборника поэзии «Корь».

«Нож из Австралии» написан раньше указанных дат сборника.